

Алла ДЕМЧЕНКО

ПРИНИМАЯ БОЛЬ,
ОСВОБОДИ
ЧУЖУЮ ДУШУ

*Вопреки
Всему*

Остросюжетный семейный роман

Алла Демченко

Вопреки всему

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демченко А. А.

Вопреки всему / А. А. Демченко — «Эксмо»,
2020 — (Остросюжетный семейный роман)

ISBN 978-5-04-109699-1

Странные дела творятся в медицинском колледже. В подвале завелось привидение, которое до смерти пугает ночных дежурных, и те отказываются работать. Марк Казанцев, новый директор колледжа, бывший военный, в привидения не верит и вместе с преподавателем Маргаритой Пикузой начинает собственное расследование. Правда, есть одна проблема — Маргарита воспринимает Марка как личного врага. А тут еще пропали двое студентов — дочь мэра и ее возлюбленный...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109699-1

© Демченко А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Месяц тому назад	9
Месяц тому назад	13
Месяц тому назад	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алла Анатольевна Демченко

Вопреки всему

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Демченко А. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Пролог

Лето в этом году пришло неожиданно рано. Весна, не разгулявшись в полную силу, поспешно отгремела дождливыми грозами, и жара, какая бывает только в середине лета, опустилась на город.

В кабинете заместителя мэра Куличевска исправно работал кондиционер, но Николай Николаевич Курбатюк – директор медколледжа, приглашенный на беседу, чувствовал себя в этой обстановке некомфортно. Он расстегнул ворот рубашки и невольно посмотрел на часы. Заместитель мэра, перехватив его взгляд, только пожал плечами.

– А что ты хочешь? И так изо дня в день, – по-свойски объяснил Звонарев. – А ты еще обижаешься, что к тебе на дачу не приезжаю.

Звонарев положил телефон и закрыл папку, всем видом демонстрируя готовность к разговору.

– Николай, нам нужна твоя помощь.

Объяснять Курбатюку, кому именно нужна помощь, Петр Петрович не стал.

– Моя помощь? – искренне удивился Курбатюк.

– Твоя, твоя.

Телефон опять задребезжал, и Звонарев, чтобы не прерывать начатый разговор, отключил его.

– Нам нужен колледж.

– В смысле? – не понял Курбатюк.

– Ну, не сам колледж, а только земля. Красота-то какая! – мечтательно сказал Звонарев. – Метров триста и река.

– Пятьсот.

– ?

– От нашего парка до реки пятьсот метров, – объяснил Курбатюк.

– Вот! Для торгово-развлекательного центра места лучше не найти. Окраина города. Стройка развернется с размахом. Поверь, деньги придут огромные. А для города – это рабочие места и отчисления в городской бюджет, – перешел на деловой тон Звонарев.

О городском бюджете Звонарев сказал для красного словца. В строительстве развлекательного центра у него был свой кровный интерес – ежемесячные пять процентов от общей прибыли.

Если бы инвесторы за оказание услуги предложили ему меньшую сумму, без дополнительных нулей, он бы их сразу выставил из кабинета. Только цифра, аккуратно выведенная на листе бумаги, возымела магическое действие, и он, не раздумывая, согласился помочь. Удержись тогда прежний мэр в кресле, и вопрос строительства легко бы решился. Но кто же знал, что грядут перемены.

«Хорошо, если вся правильность и принципиальность нового мэра временная, тогда и подождать не грех. Сами должны понимать – отсрочка со строительством временная. А если Гранин надолго, тогда как быть? Задаток я им, конечно, верну. От этого никуда не денешься. А если потребуют оплатить моральные издержки? Тогда как быть?» – пугал себя Звонарев.

– А здание? Это же исторический памятник. Ты представляешь, сколько шума поднимется, заикнись ты о его сносе? – недоумевал Курбатюк. – А родители?! Да они до министра дойдут, если станет вопрос закрытия колледжа!

– Вот поэтому я тебя и пригласил. Надо все сделать так, чтобы, как ты говоришь, историческое здание перестало быть таковым, а со студентами мы сами разберемся. Переедете в другое место.

– Все равно не пойму, мне-то что делать?

– Тебе, Коля, ничего не надо делать. Главное – не мешать. Я организую проверки всех служб. Они составят массу актов, докажут аварийность здания, а тебе останется только подписать их вердикты. За лето так все раскрутим – с газетами, с местным телевидением! К сентябрю переедете в другое место. А там, смотри, через месяц-другой все забудут об исторической ценности здания, и разворачивай стройку! И заметь, все – официально!

– Да уж! Официально... – неодобрительно покачал головой Курбатюк.

– Хороший откат я тебе гарантирую. И будешь себе работать дальше, – заверил Звонарев. – Чего молчишь?

– Думаю.

– Думаешь, как деньги потратишь? Поверь, будет что тратить, – довольно улыбнулся Звонарев.

– Да нет, Петр Петрович, думаю, на пенсию мне пора.

Курбатюк веселье Звонарева не разделял. Дело-то с душком. А главное, он это сразу почувствовал, как только Звонарев пригласил его на душевный разговор. Будь все проще, тот бы сам приехал к нему на дачу. А раз вызвал к себе в кабинет, значит, хочет показать, кто кому и чем обязан. А обязан он Звонареву был многим, если не всем.

– Не пойму, испугался, что ли? – Звонарев нарушил затянувшееся молчание.

– На пенсию хочу.

– На пенсию так на пенсию, – не стал отговаривать Звонарев. – Только смену себе подготовь такую, чтобы не подвела.

– Подготовлю, – пообещал Курбатюк и протянул на прощание руку.

* * *

Мария Гранина заглянула в комнату дочери и, увидев голову, склоненную над учебниками, тихонько прикрыла дверь. Ужин готов, осталось только дожидаться мужа, и можно садиться за стол. Она опять погрузилась в свои невеселые мысли и вернулась обратно на кухню.

Переезд в Куличевск Мария перенесла стоически, приняв назначение мужа на пост мэра как должное и неизбежное. И если бы не скандал, разгоревшийся в семье незадолго до переезда, то можно считать, что Заозерск они оставили мирно. Правда, и дочь понять можно: до окончания колледжа оставался год, и переезд она восприняла в штыки.

Елке она доверяла и ничего предосудительного не видела в том, чтобы оставить ее одну, но Максим тогда настоял, чтобы дочь ехала с ними. Единолично принятое решение не обсуждалось.

Максиму она тоже доверяла и до окончания учебы могла бы остаться с Елкой в Заозерске, но какое-то сомнение закралось в душу, и она, не слушая доводы дочери, стала готовиться к переезду.

И что в итоге? Елка до сих пор дуется, что она не поддержала ее, у Максима теперь своя жизнь, и рано или поздно он уйдет из семьи.

Мысль об одиночестве каждый раз приводила ее в ужас. И чтобы свыкнуться с ней, Мария все чаще представляла тишину в пустой квартире.

Скрипнула дверь, послышалась возня с замком. Унизительная мысль, что муж быстро вернулся от любовницы, болью отозвалась в сердце. Мария мельком глянула на себя в зеркало, привычным жестом поправила волосы и направилась в прихожую.

– Как дела? Елка дома?

Мария, прежде чем ответить на каждодневные вопросы, слегка прижалась к Гранину, пытаясь уловить запах чужих женских духов. «Может, я накручивая себя напрасно, и никакой женщины у него нет?» – пришла в голову спасительная мысль.

– Все нормально. Мой руки, ужин готов.

– Я не голодный, – устало ответил Гранин.

– Ты, может, и не голодный, но мы с Елкой не ужинали. Тебя ждали.

В голосе жены Гранин услышал упрек.

– Накрывай на стол, я – в душ.

За столом они собрались около восьми вечера. Ужин пришлось разогревать.

– Что в колледже? Как Марк в роли директора? Видела его?

Гранин задавал один за другим вопросы и положил себе на большую квадратную тарелку ложку салата.

– Мно-о-о-го всего. Марка видела. Должность ему идет.

– Не говори с полным ртом, – сделала замечание дочери Мария. – Думаю, Марка давно надо было в гости пригласить. Может, ему помощь какая нужна? А у меня тоже новость, я Ленке купила новый костюм.

Мария старалась говорить привычно веселым голосом, доказывая домочадцам, что в их семье все по-прежнему хорошо.

– Ма-а-ам, сколько я тебе говорила, не надо мне никаких костюмов.

– Лена, ты же в своих джинсах точно как елка: и зимой и летом – одним цветом.

– Главное что? – Елка повернулась к отцу.

– Главное – хорошо учиться, поступить в институт и стать классным врачом, чтобы родителям не было стыдно, – в один голос проговорили отец и дочь.

– Да ну вас, – отмахнулась Мария.

– Родители, я должна вам сообщить, что в мед я поступать не буду.

– Так, я что-то пропустил?

Гранин отодвинул от себя тарелку с нетронутым салатом.

– Мы... Короче, я буду поступать в наш пединститут на исторический факультет. Буду историком, как наша мама. Кто против? Воздержался?

– Елка, мы поддержим любой твой выбор, – Гранин сделал удар на слове «мы» и посмотрел на жену, тем самым дав понять, что спорить дальше не намерен. К чаепитию Гранины подошли в полном молчании.

– Я к себе. – Елка прихватила кусок пирога и пошла в комнату.

– Максим, почему ты ей постоянно потакаешь?

Мария дождалась, когда дочь закроет за собой дверь и задала вопрос мужу.

– А что плохого в ее выборе?

– Я не о том. Меня беспокоит ее компания. Поговори с Елкой. И еще этот парень. Даже не знаю, что и думать.

– Маша, ты все преувеличиваешь. Подобное тянется к подобному. А что парень? Одногруппник. Или ты считаешь, что наша дочь не должна ни с кем встречаться? А что историей увлеклась, так как не увлечься? Город такой. Сплошные тайны и легенды, – вздохнул Гранин и поднялся из-за стола.

Она все понимала. И город такой. И тайны. И легенды. И пусть бы Елка увлекалась бы историей. И пусть у ее мужа не было б любовницы. И пусть бы коллеги шушукались у нее за спиной о его похождениях просто так, от скуки.

– Ты ничего не ел.

– Устал. Пойду спать. Спасибо за ужин.

– Максим, я хочу с тобой поговорить.

Она сама вдруг решила покончить раз и навсегда со всеми тайнами и легендами. И будь что будет... А если окажется все правдой, тогда как ей жить дальше с этой правдой? Что тогда останется от ее семьи?

– Маша, если это не срочно, то давай поговорим завтра. Честное слово, я так устал.

– Хорошо. Это не срочно, – облегченно вздохнула Гранина.

Месяц тому назад

Отдыхать Стрельников никогда не умел. Праздное безделье быстро утомляло, и уже через несколько дней его неумолимо тянуло на работу.

В начале лета, когда отпуск был еще впереди, он легко соглашался на все предложения жены и готов был лететь куда угодно. И радовался в душе, когда Саша¹ перенесла отпуск с июля на август. Оказалось, что Дудника в пятьдесят лет настиг душевный кризис и отпуск ему нужнее, чем Саше.

В августе неожиданно заболела заведующая неврологическим отделением городской больницы, и свалить всю работу на одного Дудника, недавно пережившего возрастной кризис, Саше совесть не позволила. И только когда начали регулярно звонить родители и приглашать в гости, они наконец-то выбрались в Заозерск, оставив две недели законного отпуска на декабрь.

И вот наступил тот день, когда Стрельникову уже с утра хотелось оказаться дома, поехать на работу и приняться за текущие дела.

В первый день отпуска они искупались в бухте, побродили по городу и остаток вечера провели с родителями. На следующий день все вместе поехали на дачу. Шашлыки удались на славу. После этого, уставшие от еды и вина, они опять улеглись на горячем песке и лениво подставили бока щедрым солнечным лучам.

На третий день они выбрались на экскурсию за пределы Заозерска и побывали в недавно отстроенном женском монастыре.

Непривычная к длительным пешим прогулкам Саша под вечер так устала, что, когда они вернулись обратно в город, на ночное купание у нее не осталось сил.

И вот теперь она сидела на террасе, вытянув босые ноги, и молча пила вино.

– У нас еще десять дней отдыха, и, если так дела пойдут и дальше, мне нечего будет надеть на работу.

– купишь новое платье, – нашел выход Стрельников.

– Нет. Предлагаю перейти на менее вкусную, но более полезную пищу и прекратить пить вино.

– Я против. Отдых человеку дается для удовольствия, – сказал Стрельников и долил вино Саше в бокал.

– Чего по тебе не скажешь. У тебя прямо на лбу написано – верните меня на работу!

Она хотела показать, какими буквами написано желание вернуться домой, как в стену кто-то постучал. Саша замолчала на полуслове.

– Марк, – обрадовался Стрельников и тут же постучал в ответ. – Сто лет не виделись!

На его лице мелькнула озорная улыбка, и от усталости не осталось и следа.

– Марк у нас кто?

Саша поставила на стол бокал и вопросительно смотрела на мужа.

– Сейчас сама узнаешь.

Стрельников поднялся из-за стола, чмокнул на ходу жену в висок и спустя минуту за стеной послышался шум, а еще через некоторое время этот же шум переместился в старую квартиру Стрельниковых.

– Знакомься, это моя Саша, а это – Марк, Марк Казанцев, – уточнил Стрельников. – Сосед и друг в одном лице.

– Очень приятно. Мне о вас Паша говорил. Я вас приблизительно так и представляла.

¹ Стрельников и Александра Андреева – персонажи романов А. Демченко «Горький привкус счастья», «Чужие души», «Очарование лжи».

Саша сказала неправду. Стрельников никогда не вспоминал о Казанцеве, но в глазах и облике незнакомого мужчины, стоящего посреди гостиной, было что-то такое, что ей показалось, что она его давно знает.

Казанцев был на полголовы ниже Стрельникова, с такой же короткой стрижкой и спокойным взглядом. И если бы не военная выправка, которую не спрячет ни одна штатская одежда, его можно было бы принять за клерка из какой-нибудь конторы. И Саша улыбнулась ему, как старому знакомому, и протянула руку.

Она еще слышала голос Марка Казанцева и ощущала прикосновение его руки, как неожиданно откуда-то взявшаяся темнота начала окутывать комнату.

В узком коридоре мигала лампочка, и откуда-то доносились голоса. Саша напрягла слух. Люди говорили на чужом языке. Она попыталась определить, откуда именно долетает звук, но там, наверху, что-то громыхнуло, и ей на голову посыпалась земля. Страх и безысходность сковали все тело. Она сделала шаг обратно и очутилась... в квартире и почувствовала, как задрожала рука Казанцева.

– Это после контузии, – смутился Казанцев и отпустил ее руку.

– Когда вы спуститесь в подвал, дрожь сама пройдет, руки станут послушными, и тогда вы сможете заниматься своим делом. Останки тел надо захоронить, – еле слышно прошептала Саша.

В гостиной стало совсем тихо.

– Извините, – первой опомнилась она. – Вы только не сочтите меня за городскую сумасшедшую. Иногда так бывает, что я вижу какие-то картинки из чьей-то жизни. Вы прикоснулись к моей руке, и я увидела... войну.

– Все верно. Я часто бывал на войне, – успокоил ее Казанцев.

– Да что мы стоим посреди комнаты? Пойдемте к столу, – предложил Стрельников.

«Интересно, это излишек вина или солнца так действует на отдыхающих?» – улыбнулся себе Казанцев.

– Саша, а чей прах я должен захоронить? – спросил под конец вечера Казанцев.

Зачем он задал этот нелепый вопрос, он и сам не знал.

– Не знаю. Я только ощущаю, но не вижу. Вы... – задумалась Саша, – как бы ходите по трупам... Возле вас смерть...

Надо было остановиться и не говорить последнюю фразу, спохватилась Саша и беспомощно развела руками.

– Смерть, говорите... Это изъясн профессии, – улыбнулся Казанцев.

– Воевали?

– Как вам сказать... Скорее нет, чем да. Я военный хирург. Вначале – Кавказ, потом миссия ООН: Либерия, Конго, Ливия. И смерти, и трупы – все это, конечно, было. Куда без этого? – грустно улыбнулся Казанцев.

– Марк, не берите в голову. Здесь столько солнца и вина, – подтвердила догадку Казанцева Саша.

Ужин затянулся далеко за полночь, мужчины из гостиной переместились на террасу и уже там продолжили пить вино. Их неразборчивые слова долетали в гостевую комнату и убаюкивали Сашу. Она уснула мгновенно, как только коснулась подушки.

– Ты в целом как? – спросил Стрельников.

– Да никак. В отставке. Не прошел медкомиссию. Руки перестали слушаться, а хирург со скальпелем в дрожащих руках – сам понимаешь...

Марк сделал последнюю затяжку сигареты и аккуратно затушил окурочок в ракушке, приспособленной под пепельницу.

– Это лечится?

– Нет. Обследовался, пытались лечить, но... Дорога в хирургию мне закрыта навсегда.

В голосе Казанцева звучала неподдельная горечь. Он потянулся за новой сигаретой.

– Марк, но ведь есть поликлиника и другие отделения, где нужны мозги...

– Есть, – согласился Казанцев, – только это все не то. «Хорошо быть девочкой в розовом пальто, можно и не в розовом, но уже не то». Вот так и у меня – не то. Помнишь, в соседнем доме жил Максим Гранин?

– Нет, – признался Стрельников.

– Да знаешь ты его. У Маши роман с ним был.

– Сестру твою помню. Гостила у вас каждое лето. Мне она нравилась, – признался Стрельников. – А Гранина – не помню.

– Маша вышла замуж за него. А теперь он мэр Куличевска.

– Да ты что?

– Максим предложил мне место директора медколледжа. Я согласился. Скоро месяц как руковожу, – засмеялся Казанцев.

«Может, Саша и была права, когда сказала, что я хожу по трупам? Пикуза с работой отлично справлялась, а тут я, как снег на голову. По трупам по карьерной лестнице. Бред, – оборвал себя Казанцев. – Она была всего лишь врио директора и сама понимала, что должность временная. Хотела бы работать – подписала бы контракт. Если Пикуза – труп, то этот труп живее всех живых», – успокоил себя Казанцев.

– Как Юля?

Вопрос Стрельникова вывел Казанцева из раздумий.

– Вернулась из Франции. Что-то не сложилось у нее там.

Год назад жена подала на развод и улетела к новому мужу. С тех пор на его электронную почту с завидной регулярностью приходили фотографии из ее счастливой жизни, а он с мазохистским удовольствием их рассматривал.

Новый муж бывшей жены Марку не нравился. Но с этим несимпатичным типом со слащавой улыбкой на прыщеватом лице Юля спала, радовалась жизни и пыталась доказать, что этот безвольный иностранный хлыщ в сто крат лучше его, Марка Казанцева. Она хотела, чтобы бывший муж почувствовал свою несостоятельность и знал, что обижалась она на него не зря. Когда Марк понял эту незатейливую игру, то удалил все фото и сразу заблокировал почту.

– Звонила?

– Да. Сразу, как вернулась. – Марк сделал затяжку сигареты и посмотрел на ночное беззвездное небо.

Юля всегда умудрялась звонить не вовремя. Звонок раздавался, когда он был в операционной, на обходе или... Всего не счесть.

Потом долго обижалась. Обижалась, когда трубку брала медсестра, сообщая, что Марк Дмитриевич освободится не раньше двух часов. Обижалась, когда он опаздывал в театр. Обижалась, когда внезапно прерывался телефонный разговор. Потом долго не брала трубку и слушать не хотела, что связь зависит не от него, Казанцева, а от движения спутника, что это Африка и...

Юля позвонила в самый неподходящий момент. Жара стояла такая, что плавилась мозги. В Конго повстанцы теснили правительственные войска. Прицельный огонь, ведущийся обеими сторонами, шквалом обрушился на электростанцию, и тогда в госпитале впервые тревожно замигали красные лампочки. Напряжение в сети стремилось к нулю. Он оперировал молодого парня. Пуля прошла навывлет в нескольких миллиметрах от сердца, зацепив только легкое. Какую из воюющих сторон представлял раненый, для Казанцева не имело значения. Лампа над операционным столом начала потихоньку гаснуть, и он вел пинцет по раневому каналу на ощупь.

Через несколько минут заработала аварийная подстанция госпиталя, свет стал ярче, и он захватил пинцетом пулю. Мощности подстанции хватало только на операционную и реанима-

цию. Кондиционеры отключились автоматически. Пот заливал глаза, медсестра едва успевала вытирать стерильным тампоном его лоб. Из операционной он тогда вышел вымокший от пота до нитки, словно попал под экваториальный ливень.

И тогда Юля сказала, что она очень обижена на него, что так дальше продолжаться не может, что обида... Связь прервалась, и тогда ему больше всего захотелось, чтобы спутник, будь он неладен, сошел с орбиты, чтобы Юля не дозвонилась и не сказала того, о чем он догадался сам.

Казанцев в липком от пота операционном костюме опустился на самодельную скамейку и, нарушая собственные запреты, закурил прямо у входа в операционный блок. Жена перезвонила и коротко сообщила, что подала на развод и он в своей Африке может оставаться хоть до конца жизни. Она говорила о разделе имущества и о своей обиде. Потом уточнила, слышит ли он ее, и когда он ответил «да», расплакалась в трубку, назвав его толстокожим истуканом. Голос жены пропал в эфире, а он все сидел на самодельном стуле, прижав горячую трубку к уху.

А потом у солдата началось послеоперационное кровотечение, и ему стало не до личных проблем.

Месяц тому назад

Рита проснулась около одиннадцати утра. Она никогда и нигде так крепко и с удовольствием не спала, как на даче. За окном шумело море, от мягкого ветра невесомые шторы надувались, как паруса, и ей начинало казаться, что она посередине моря, на большом пиратском корабле.

Дача с видом на море была куплена в знак примирения с Мартой. Пять лет тому назад они впервые поругались, как не ругались ни до, ни после того случая. История была почти банальной – она продала свою квартиру, доставшуюся ей в наследство от родителей, не посоветовавшись с Мартой. Получилось совсем некрасиво. Она потом пыталась все объяснить, но Марта даже слушать ее не захотела и ушла, хлопнув дверью уже проданной квартиры.

– Марта, курить вредно для сердца. Это я тебе говорю как не состоявшийся кардиолог.

Рита опустила в плетеное кресло и засмотрелась на море.

– Вот-вот, ты мне говоришь как несостоявшийся врач, – с упреком сказала Марта. – Много чего в жизни вредно, только не вреднее, чем жить с Русланом.

– Я его люблю.

Рита представила лицо Руслана и счастливо улыбнулась.

– Ритуль, этого мало. Любовь должна быть взаимной, а он только позволяет тебе себя любить. Это не любовь. А если и любовь, то какая-то потребительская. Ему удобно с тобой, только к любви это не имеет никакого отношения. Вот скажи, кто ты для него?

Марта говорила медленно и монотонно, прикрыв глаза и подставив лицо ветру.

– Любимая женщина!

– Рита – ты курица. Носишься с ним как с писаной торбой. Только торба твоя пустая. Русланчику негде жить, квартиры съемные надоели – это не проблема. Продадим квартиру в Заозерске и купим, не буду говорить где, лишь бы Русланчику было комфортно. Работа тяжелая, частые ночные дежурства – в медколледж его, чтобы легче было. Денег не хватает, так ты есть. Тебе ночные дежурства не в тягость...

– Марта, что ты хочешь? – миролюбиво спросила Рита и потянулась всем телом.

– Я хочу, чтобы ты вернулась на кафедру в институт, занялась кардиологией.

– По-твоему, врачом можно работать только в городе?

– Мы сейчас не о том говорим. Конкретно тебя в Куличевск никто не направлял. Тебя оставляли на кафедре. А вот Хмелевского отправили в надежде, что на периферии он хоть немного ума наберется. Кому я это все говорю? – вздохнула Марта.

С моря налетел ветер, натянутый над головой тент задрезжал, и Марта молча стала наблюдать за качающимися на волнах сухогрузами.

– А еще я хочу, чтобы ты встретила нормального мужчину, вышла замуж, родила детей. Ну хотя бы одного. Я хочу тебе того, чего не имею сама. Хорошо, у вас любовь, – Марта предвидела возражение племянницы и предварительно согласилась с ее доводами, – тогда почему вы не поженитесь? Почему Руслан не хочет ребенка? Подумай о своем возрасте – тебе скоро тридцать лет, – вздохнула Марта.

– Марта, вот ты все понимаешь, но почему ты сама не выйдешь замуж?

– Во-первых, если ты помнишь, замужем я была. Во-вторых, мне скоро сорок пять лет. Рожать поздно. Да и где найти мужчину для брака? В таком возрасте свободны только геи и неврастеники. Третьего не дано.

– Давай сменим тему и не будем говорить о мужчинах, – умоляюще попросила Рита.

– Тему сменить, конечно, легче всего, а вот как изменить жизнь?

– Я не хочу ничего менять. Моя жизнь меня полностью устраивает.

– Что именно тебя устраивает? То, что Руслан сидит на твоей шее?

– У Руслана защита диссертации на носу. Вот защитится и перейдет на ставку в больницу.

– А что теперь ему мешает взять дежурства?

– Марта, а где он время возьмет на эти дежурства? Он в колледже работает на полторы ставки.

– Ну да, работает, – нехотя согласилась Марта. – Строит глазки студенткам, вот и вся его работа. Чему он может научить студентов, сам не имея мозгов?

Маргарита на риторический вопрос не ответила. Солнце стояло над горизонтом, короткие лучи купались в морской воде.

– Ты долго еще будешь жить на даче? – нарушила молчание Маргарита.

– Как ты уедешь, так и вернусь в город. Хочешь Руслана пригласить?

Рита кивнула головой.

– Хорошо. Приглашай. Так и быть, на это время я съеду.

– Спасибо. Только ты не сердись.

Руслан всего лишь раз гостил на этой даче. Марту он недолюбливал. Она давила на него своим мощным интеллектом. Она знала наизусть почти всю поэзию Серебряного века, слушала Метнера и тем самым его раздражала. Поэзия ему казалась высокопарно-слащавой, а музыка – непонятной.

– Я сегодня вечером поеду в Куличевск, а через пару дней мы вернемся с Русланом. Я потом тебе позвоню.

– Я так понимаю, тебе еще предстоит уговорить Руслана ехать на дачу, а потом собрать, как капризного ребенка, и доставить сюда.

– Организуем шашлыки, будем сидеть, смотреть на огонь и небо, – мечтательно сказала Маргарита, пропустив замечания Марты. – Я тебе позвоню.

Марта оставила слова Риты без ответа и только покачала головой, думая о том, где она сделала промах, воспитывая племянницу.

– Что на работе? Когда тебя утвердят в должности директора медколледжа? – наконец-то сменила тему Марта.

– Думаю, в сентябре, если не найдется другая кандидатура.

– Откуда ей взяться в вашей-то дыре?

– Я еще и сама не решила, стоит ли мне заключать этот контракт.

Маргарита слегка лукавила. Новая должность ей нравилась. И дело было вовсе не в табличке на ее кабинете, а в самой работе. И если бы Руслан не отнесся так ревностно к ее назначению, она подписала бы контракт сразу, как ей предложили. Руслан ее, конечно, не отговаривал, только сказал, что чувствует себя словно под каблуком. Портить предстоящий отпуск она не стала. Должность никуда не денется, подождет до сентября.

– Слушай, почему ты не предложила кандидатуру Руслана на место директора? – решила пошутить Марта.

– Я предлагала, – серьезно ответила Рита, – но Курбатюк даже слушать не захотел.

– Слава богу, нашелся умный человек. Ритуль, посмотри на себя – ты же у меня умная, красивая, самостоятельная. Как произошло, что ты превратилась в курицу?

Так они, лениво препираясь, обсуждали жизнь, пока Рита не начала собираться к отъезду.

* * *

Хмелевский после бурного секса уснул сразу, но уже около трех часов ночи проснулся от неясной тревоги. Чтобы не разбудить Нику, он выбрался из постели, на цыпочках вышел в коридор и так же тихонько спустился на первый этаж. И только зайдя в кухню, он перевел дыхание и глубоко со свистом выдохнул воздух. Вечерний хмель выветрился, и стремительные события последних дней казались теперь сушим вымыслом.

Он, Руслан Хмелевский, через неделю женится на малознакомой Нике Звонаревой. «И во всем этом виновата только Рита», – зло подумал Хмелевский. В чем конкретно была ее вина, он толком не смог бы объяснить. Виновата. Не надо было оставлять его одного и ехать к Марте. Он не терпел одиночества.

Он несколько раз садился за диссертацию, открывал ноутбук и пытался дописать раздел. Поздно вечером, убедившись, что работа за день так и не сдвинулась с места, пошел в ночной клуб.

Ника его заметила сразу и, как только немного стихла музыка, подошла к барной стойке. Познакомились они без особых предисловий и пошли танцевать. Под утро, когда на улице начало светать, он вызвался провожать девушку и был удивлен, узнав, где она живет. И даже не поверил. В коттеджном поселке жила элита города, а она была обычной, такой, как десятки девушек в клубе. Короткое облегающее платьице, длинные платиновые волосы. И только когда подъехала машина и водитель бросился открывать перед ней дверь, Хмелевский поверил, что Ника и есть дочь заместителя мэра города.

Весь вечер Руслан Хмелевский чувствовал себя не в своей тарелке. События форсировались, и он это понимал, как понимали это и сидевшие за столом Звонаревы. Разговор не складывался. Петр Петрович старался изо всех сил, перескакивал с темы на тему, пытался угадать, что же интересует на самом деле незадачливого Хмелевского. Ситуацию спасла жена. Женская интуиция подсказала, что надо говорить о самом Хмелевском, и не ошиблась.

Наталья Павловна тактично попросила Руслана рассказать о своих планах, и он охотно поведал ей о будущем: в ноябре защита кандидатской диссертации, потом, естественно, работа в хирургическом отделении, а после уже – семья, дети...

Его приоритеты, расположенные в той последовательности, что и в прочитанном журнале, Звонаревой понравились.

На ее остальные вопросы он дал такие же правильные ответы: к браку он относится достаточно серьезно, потому до сих пор и не женат. Главное для него – встретить женщину своей мечты. И женщина такая есть, и зовут ее Ника. И в судьбу он верит...

События форсировались. Со стороны его наигранная речь звучала фальшиво, но этого Звонаревы не замечали или не хотели замечать.

После ужина ему надо было встать и уйти вместе со Звонаревыми. Он уже собирался поблагодарить Нику за ужин, но Наталья Павловна попросила его остаться и помочь Нике.

Нежная мелодия заиграла в кармане – звонила Рита. Хмелевский хотел ответить, сказать, что занят, что работает над статьей, что ему не до разговоров, что допишет абзац и сразу перезвонит ей, но в это время в гостиную зашла Ника, и он дал отбой.

– Как тебе мои предки? Я же говорила – ты им понравишься. Да и как ты мог не понравиться? А?

Ника включила музыку и пригласила его на танец. События форсировались...

Вспомнив вчерашний вечер, Хмелевский выпил стакан воды и тихонько вернулся обратно в спальню.

Телефон досадливо дребезжал в кармане его штанов, наспех брошенных возле кровати. Руслан аккуратно, чтобы не разбудить Нику, высвободил затекшую руку и достал телефон. Отвечать на звонок Риты он не стал, быстро дал отбой, затем посмотрел на количество пропущенных звонков. От Риты он пропустил двадцать звонков.

«И почему только Рите не спится? Сказал же, перезвоню, значит, перезвоню», – подумал Хмелевский и положил отключенный телефон под кровать.

Ему даже думать было тошно, что не сегодня завтра придется объясняться с Ритой: отнекиваться и придумывать, почему не отвечал на ее звонки, чем занимался и где был. Он представил ее глаза и ее молчаливый укоризненный взгляд. В такие моменты Рита напоминала

свою тетку. Марту он тоже не любил, особенно когда она разговаривала с ним, а сама при этом смотрела мимо так, словно он, Руслан Хмелевский, был пустым местом.

Наконец-то он обретет долгожданную свободу от этих правильных интеллектуалок. «Завтра же поеду на квартиру и заберу свои вещи, – принял решение Хмелевский. – Хорошо, что Рита уехала. Не хватало мне только ее слез». Он еще успел подумать, что диссертацию он теперь обязательно защитит и станет заведующим хирургическим отделением. А там, смотришь, и место главврача освободится. С этими радужными мыслями он закрыл глаза и провалился в безмятежный сон.

* * *

Бессонная ночь не прошла бесследно. Лицо Маргариты осунулось, под глазами обозначились круги, нерасчесанные волнистые волосы паклями свисали с плеч. Больше всего ей хотелось плакать, но вместо этого она молча наблюдала за тем, как Хмелевский не спеша складывал свои вещи. Делал это он вдумчиво, стараясь не встречаться с ней взглядом, в котором, как он предполагал, читалось молчаливое осуждение.

Голос Хмелевского прозвучал сухо. Он злился на Риту, что та так внезапно, без предупреждения прервала отдых и вернулась домой. Она должна была приехать через неделю. А оказалось, соскучилась. И кому от этого приезда хуже? Он злился на Риту, которая заставила его нервничать. Настроение окончательно испортилось, и он старался побыстрее взять самые необходимые вещи и покинуть квартиру.

– Рита, остальное я заберу потом.

– Хорошо. Заберешь, когда захочешь. Ключ можешь оставить себе.

Голос дрогнул, и, чтобы не расплакаться, Рита до боли закусил губу.

– Рита, я не думал, что так все получится, только давай сегодня не будем выяснять отношения, – попросил Хмелевский.

– Хорошо. Поговорим потом, – эхом отозвалась Рита. – Руслан, я очень переживала. Я думала, что... Я ночью звонила в морг. Мне сказали, что привезли молодого мужчину, и стали искать его фамилию в журнале регистрации... Я думала, что сойду с ума...

– Значит, буду долго жить.

Руслан попытался втиснуть в сумку халат. Большой, темно-синий, с тисненым американским флагом на рукаве, купленный Ритой на какой-то распродаже, он никак не вмещался в сумку. Руслан с неохотой вынул халат обратно, повертел в руках и бросил на диван. Рукав коснулся Ритиной ноги, и только тогда она поняла, что Руслан уходит от нее к другой женщине.

Ту, другую женщину он не любит. Он так и сказал: «Я ее не люблю, но это мой шанс». Он никого не любит, кроме Риты. Но это шанс. И не воспользоваться этим шансом он не может. Без связей и денег еще никому не удалось пробиться в этом мире. Он – хирург, но что ему светит здесь?

– Давай уедем отсюда, – предложила Рита. – Продадим квартиру и уедем. И начнем жизнь сначала.

Ее голос прозвучал безжизненно и от того неуверенно. Такому голосу нельзя верить, и Руслан тоже ей не поверил. Без связей, денег и протекции не пробиться к вершине. А она предлагает только уехать.

– Я говорю неправильно.

– Что неправильно? – переспросил Хмелевский.

– То, что жизнь нельзя начать сначала, ее можно только продолжить или закончить.

Он с тоской посмотрел на сидящую на диване женщину, с которой прожил целых пять лет. Или это она жила с ним все эти годы? Какая теперь разница, кто и с кем жил.

Он хотел сказать, что устал жить с ней, как устал от диссертации, которую никак не мог дописать. Что она слишком хорошая, слишком правильная, слишком честная и сильная, а ему нужна другая.

С момента приезда Риты в Куличевск он перестал быть самим собой. Она приехала и перечеркнула его. С другой женщиной он станет другим, таким, каким себя представлял: сильным, богатым и уверенным в себе.

– Я пойду. Хорошо?

– Хорошо, – зачем-то согласилась Рита.

Руслан огляделся вокруг, прикидывая на ходу, что еще надо будет забрать в следующий раз. Сумка, расплывшаяся, как беременная бегемотиха, застряла в дверном проеме.

– Рита, – Хмелевский повернулся и внимательно посмотрел ей в глаза, на мгновение забыв о ее осуждающем взгляде, – я могу рассчитывать на часы в колледже? Сама понимаешь, мне до защиты диссертации нет никакого резона переходить на другую работу.

– Ты штатный преподаватель. Какие проблемы?

– Да, но ты без пяти минут директор, и как мне будет работаться в колледже, зависит только от тебя.

– Ты думаешь, что я тебе буду мстить? – недоуменно спросила Рита.

– Нет, не думаю.

Хмелевский наклонился, взял сумку и направился к выходу. Дверь тихонько закрылась, звякнул замок. И тогда слезы потекли по щекам, дышать стало тяжело, как тогда, когда она ждала ответа из морга... и Рите показалось, что она умирает.

«Почему все так нелепо вышло? Может, надо было сразу забрать всю одежду и больше сюда не приезжать?» – подумал Хмелевский, садясь в такси.

Он всю жизнь в душе завидовал своим удачливым сокурсникам, проблемы которых решали родители. Экзамены они сдавали досрочно, а это значило, что не сдавали их вовсе, а только создавали одну видимость. После института сразу получили лучшие места в лучших больницах, а ему пришлось ехать в глушь. И жилье им родители приобрели по факту рождения, а он мыкался по съемным квартирам. И диссертации им написали еще до окончания института.

«Наконец-то фортуна и меня заметила. Правда, лицом она напоминает Нику, но это не страшно. Мне без разницы, чье у нее лицо. Теперь главное, чтобы это лицо не отвернулось от меня», – разволновался Хмелевский.

О Рите он не вспоминал.

* * *

Маргарита безжизненно лежала на диване, уставившись в потолок, до тех пор, пока не начало казаться, что вместо потолка она видит серые облака. Больше всего ей хотелось просто умереть, перестать дышать и исчезнуть из этой жизни. Если бы умереть можно было только от одного желания, Рита умерла бы вчера в тот момент, когда сумка Руслана застряла в дверном проеме.

«Жизнь – это не существительное, а глагол, ибо признак жизни – движение. Движение – это действие. Выходит, жизнь – глагол», – сделала ненужный вывод Рита.

В пустой квартире ее голос прозвучал неестественно громко. А потом зазвонил телефон. Отвечать на звонок у нее не было сил. Только звонившему было невдомек, что она собралась умирать, и телефон зазвонил снова.

– Да, – коротко ответила Маргарита и посмотрела на табло.

– Рита, ты где сейчас? В Куличевске?

– Да.

– Ты часом не заболела?

В голосе ее заместителя по практической части звучала неподдельная тревога.

– Нет, – односложно ответила Маргарита.

– Вот и хорошо. Приезжай в колледж. У нас ЧП.

– Что случилось?

Маргарита поднялась и села на диване. От резкого движения перед глазами поплыли разноцветные круги. Никаких разумных мыслей в голове не было, и она повторила свой вопрос Белевич.

– К нам приехал мэр и с ним новый... директор. Они хотят, чтобы ты приехала в колледж. Хочешь, я скажу, что тебя нет в городе?

– Я буду через полчаса. Покажи новому директору наш колледж, займи их чем-нибудь.

Приехать в колледж через полчаса ей не удастся. Это она поняла сразу, как только увидела свое отражение в зеркале.

* * *

Снаряд ухнул совсем рядом, и комья земли полетели во все стороны. Дерево пошатнулось и медленно повалилось на неподвижно лежащие вокруг тела. Саша пыталась сосчитать количество разорвавшихся снарядов и сбилась со счета. Молодой безусый парень больно толкнул ее в бок и махнул перебинтованной рукой в сторону здания. Она не могла никак понять, что он ей говорит. От взрывов заложило уши, словно в них натолкали ваты, и она только догадалась, что ее спасение в том здании, куда бежали солдаты. Она хотела жить и побежала вслед за ними. Потом был темный подвал. Она шла вдоль коридора. И казалось, что конца этому коридору никогда не будет. Обстрел наверху усилился, и она почувствовала нечеловеческий страх, исходящий от стен темного подземного тоннеля. Последнее, что она увидела, – вспышка яркого света, от которого заболело все тело, и стало так тихо вокруг, как было при сотворении света.

Саша проснулась, так и не поняв, попала она под завал и осталась в подвале или выбралась наружу.

– Просыпайся, соня! Едем купаться и будем собираться домой. Родители приедут на обед, – сообщил Стрельников.

– Мне снилось, как я погибла. Меня завалило в подвале и стало вокруг так тихо-тихо.

– Крыша рухнула?

– Откуда ты знаешь?

– Над нами отдыхающие квартиру снимают, и кто-то каждое утро роняет гирю на пол. И я все время боялся, что они тебя разбудят и мне придется идти к ним и устраивать разборку.

Стрельников принял боевую стойку и рассмеялся.

– Паша, помнишь, я Марку говорила, что надо обязательно тела захоронить?

– Помню, – нехотя сказал Стрельников.

– Он еще сказал, что это невозможно, потому что его война уже окончена.

– Помню. Только не пойму, к чему ты клонишь?

– Я видела не горячие точки, а прошлую войну, нашу войну. И где-то есть подвал с останками тел. Понимаешь?

– Нет, – признался Стрельников. – Я подумал тогда, что ты, как хороший психолог, сказала Марку, что дрожь в руках пройдет, когда он захоронит тела погибших, специально. А так как это невозможно, то ему придется смириться и жить дальше.

– Какой ты смешной, – Саша запустила руки в короткие волосы и потрепала их. – Как жаль, что мы уезжаем. В следующем году обязательно сюда приедем летом, когда жарко, когда много народа и у нас впереди целый отпуск.

– Обязательно приедем, – пообещал Стрельников.

До следующего отпуска целый год, и он с готовностью соглашался на все предложения жены.

– Только неудобно, что родители из-за нас переехали жить на дачу, словно мы с тобой молодожены.

– А мы кто, по-твоему? – лукаво спросил Стрельников.

– погоди, – Саша высвободилась из объятий Стрельникова, – я еще хочу поговорить с Марком.

– Ты невозможная! А ничего, если я начну тебя ревновать к Казанцеву?

– Я серьезно.

– Марк уехал в Куличевск.

Они долго гуляли по городу, пили кофе на Графской пристани, не спеша прошлись вдоль набережной, и Саша поняла, почему Стрельников любит Заозерск именно в начале осени. Потому что город принадлежит сам себе только короткое время с поздней осени до ранней весны. Пройдет немного времени, и многочисленные кафе на набережной закроются, пляжные лежаки помойут, высушат и спрячут до следующего сезона. Потом подует холодный ветер, который принесет городу долгожданную прохладу.

Уезжать из Заозерска Саше было грустно.

Месяц тому назад

Виктория Белевич ждала Маргариту Пикузу у ворот центрального входа в колледж. «Гонцам, приносящим плохие вести, в древности рубили головы», – вспомнила Виктория и помачала приятельнице рукой.

– Выглядишь плохо, – вместо приветствия сказала Белевич. – Ты из-за должности так расстроилась?

– Меня бросил Руслан. Вчера собрал вещи и ушел.

Маргарита шла быстро, Белевич на своих высоченных каблуках еле поспевала за ней.

– Куда ушел?

– Не куда, а к кому, – исправила вопрос Пикуза. – К другой женщине. Давно меня ждут?

– Больше часа точно. Начали нервничать. Я, чтобы не видеть их нервозности, пошла тебя встречать.

– Директор – женщина или мужчина?

– Мужчина. Полковник медицинской службы. В отставке, – добавила Белевич.

– А городская свита с какого перепугу приехала?

– Из разговоров я поняла, что мэр и этот... давние какие-то друзья или родственники.

Поэтому в таком пафосном духе нам его и представят, – предположила Белевич.

На самом деле ничего пафосного не было. Мужчины сидели в приемной и, судя по выражению лиц, думали о делах куда более важных, чем о встрече с врио. Когда она открыла дверь, мэр, а с ним и начальник городского отдела здравоохранения поднялись с мест. Мужчина, стоящий возле окна, неохотно повернулся к Маргарите с таким выражением лица, словно то главное, ради чего он приехал в эту тьмутаракань, находилось там, за окном, в заросших клумбах и некошеной траве, а вовсе не в приемной директора медколледжа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.